

дарты и др. Эффективное функционирование образовательной системы, во многом, зависит от оснащения ее материально-технической базы, в т.ч. для научных исследований и качественного проведения учебного процесса. Кроме того, оптимальное функционирование образовательного пространства региона предполагает скоординированное и системное взаимодействие всех учебных заведений и органов управления отраслью культуры, поддерживаемое правовым, информационным, организационным и финансовым обеспечением. Такая структура перестает существовать как единая хорошо организованная система, если изменяются ее вышеназванные составные.

Во многих регионах России имеются все предпосылки и реальные условия, отвечающие требованиям построения единого образовательного пространства, проведения серьезной кадровой политики в отрасли культуры, создания функционирующего отраслевого рынка труда.

Примечания:

1. Субетто А. И. Региональное самосознание в контексте философии истории России как евразийской цивилизации // Региональное самосознание как фактор фор-

мирования политической культуры в России. – М., 1999. – С. 99-167.

2. Каппелер А. "Россия – многонациональная империя": некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *AbImperio*. – 2000. – №1. – С. 21.

3. Jukarainen P. Any space for the postmodern identity? // *Border Regions in Transition: International Conference (14-18 June, 1997)*. – P. 5.

4. Азард У. Методы регионального анализа. – М., 1966.

5. Hurrell A. Expanding in Resurgence of Regionalism in World Politics // *Review of International Studies*. – Vol. 21. – № 4. – October, 1995. – P. 333.

5. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М., 1999. – С. 24.

6. Казанцев В. Г. Межнациональные конфликты на Северном Кавказе в контексте геополитических реалий : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Ростов-на-Дону, 1998.

7. Багдасарова А. Б. Этническое сознание и самосознание: сущность, структура // Этнические проблемы современности. Вып. 6: Проблемы культуры межнационального общения и межкультурной коммуникации. – Ставрополь, 2000.

8. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. – М., 1997. – С. 241-244.

REGIONALIZATION OF CULTURAL SPACE OF THE SOUTH OF RUSSIA: HISTORY AND TRADITION

Naumenko Vladimir Emelyanovich, PhD of Historical Sciences, Professor, Head of the Regional Cultural Policy and Ethnocultural Processes, Southern branch of Russian Institute of Cultural Science, Chair of Theory and History of Krasnodar State University of Culture and Arts (Krasnodar, RF)

E-mail: naumenko@rambler.ru

The article deals with the stages of change in the region of southern Russia. The author focuses on the restoration of the natural role of Russian culture on the basis of a balance of traditional multi-ethnic North Caucasian culture and modernization of cultural processes.

Keywords: regional policy; polyethnicity; traditional culture; superethnos ethnocultural identity; cultural modernization processes.

УДК 130.2

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЮГА РОССИИ: ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИИ

© **Науменко В.Е., 2013**

В статье рассматриваются этапы трансформаций регионов Юга России. Автор акцентирует свое внимание на восстановлении естественной роли русской культуры на основе баланса полиэтничной традиционной северокавказской культуры и модернизационных культурных процессов.

Ключевые слова: региональная политика; полиэтничность; традиционная культура; суперэтнос; этнокультурная идентичность; модернизация культурных процессов.

Если попытаться охарактеризовать процесс пространственного развития России в последнее десятилетие, то суть его может быть выражена понятием "регионализация".

За последнее десятилетие страна пережила своеобразную административную регионализацию [1]. Органы власти субъектов федерации постепенно "стянули" на себя экономический, административно-политический и культурно-символический капитал, что в конечном итоге позволило в границах зоны своей юрисдикции создать своеобразные административно-интегрированные сообщества. Причем количество их легко поддается исчислению – восемьдесят девять "административных" регионов.

Северный Кавказ представляет собой уникальный регион России. Это определяется историческими, экономическими, географическими, политическими факторами. С древних времен наш регион был важным перекрестком коммуникаций, связывающих Азию с Европой. И ныне его выгодно отличает разветвленная сеть дорог. Наличие трех морей с достаточно протяженной береговой линией, богатым природно-ресурсным и климатическим потенциалом, развитой промышленностью и сельскохозяйственным производством, значительная курортно-рекреационная база делает его поистине "жемчужиной" России.

Региональная политика не является самостоятельным явлением, она часть общегосударственной политики социально-экономического развития страны в целом. Вместе с тем эффективность ее осуществления зависит от учета особенностей каждого конкретного региона. В целом Северо-Кавказский регион можно охарактеризовать как полиэтничный регион субъектов Федерации.

В историческом развитии Северного Кавказа в советский период в основу регионального развития были положены установки создания в каждом из указанных экономических районов крупных комплексных хозяйственных структур, завязанных на мощные энергетические узлы, что предполагало задействование всех естественных и общественных ресурсов. Создание таких мощных территориально-производственных комплексов стало важным составляющим стержня государственной региональной политики. Это позволило определить ее приоритетные направления, связанные с решением социальных вопросов, а также экономически эффективного производства. Это потребовало и пересмотра карты административно-территориального и национально-территориального деления.

Осуществление этих направлений региональной политики наглядно прослеживается на примере Северного Кавказа, где еще в 1918 году появились первые государственные образования в составе РСФСР.

Так, в марте 1918 года на 2-м съезде Советов народов Терека в г. Пятигорске была провозглашена Терская советская республика.

23 марта 1918 года декретом областного Временного Революционного Комитета была образована Донская советская республика.

27–30 мая в г. Екатеринодаре (ныне Краснодар) на 3-м съезде Советов Кубани и Черноморья была провозглашена Кубано-Черноморская советская республика.

Ставропольская советская республика была провозглашена 1 (14) января 1918 года.

На 1-м съезде Советов Северного Кавказа 7 июля 1918 года была образована Северо-Кавказская советская республика, в которую вошли Кубано-Черноморская, Терская и Ставропольская советские республики.

В начале 20-х годов на Северном Кавказе было образовано два субъекта РСФСР – Дагестанская и Горская автономные советские социалистические республики.

НАУМЕНКО

Владимир Емельянович,
кандидат исторических наук, заведующий сектором региональной культурной политики и этнокультурных процессов, Южный филиал Российского института культурологии, профессор кафедры Теории и истории Краснодарского государственного университета культуры и искусств
(Краснодар, РФ)
naumenko@rambler.ru

13 ноября 1920 года в г. Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск) на Чрезвычайном съезде народов Дагестана была оглашена декларация правительства РСФСР о советской автономии Дагестана. 20 января 1921 года декретом ВЦИК была образована Дагестанская АССР в составе РСФСР.

Горская АССР была провозглашена 17 ноября 1920 года на съезде народов Терской области и части Кубанской области (Карачай) в г. Владикавказе. Здесь 20 января 1921 года был оглашен декрет ВЦИК об образовании Горской АССР. В состав Горской республики вошли 6 административных округов – Балкарский, Владикавказский (позже Осетинский), Кабардинский, Карачаевский, Назрановский (позже Ингушский), Чеченский.

В процессе дальнейшего национально-территориального размежевания из состава ГАСР были выделены округа: Кабардинский (1 сентября 1921 г.), Карачаевский (12 января 1922 г.), Чеченский (30 ноября 1922 г.), Балкарский (16 января 1922 г.). Декретом ВЦИК от 7 июля 1924 года ГАСР была упразднена и на ее территории созданы Северо-Осетинская и Ингушская АО и населенный казаками Сунженский округ с правами губисполкома. Особый самостоятельный статус получили города Владикавказ и Грозный.

Вскоре происходит реформирование статуса Карачаево-Черкесии и Чечни, которые становятся автономными областями. Кабарда и Балкария объединяются и создают Кабардино-Балкарскую автономную область. В 1922 году из состава Кубано-Черноморской области выделилась Черкесия (Адыгейская автономная область). К Дагестану были присоединены часть земель заселенных чеченцами и терскими казаками.

В 1924 году 10 северокавказских национально-территориальных образований вошли в состав Юго-Востока России. Это образование, прообраз будущего Северо-Кавказского региона, включало в себя следующие административно-территориальные субъекты: Донская и Кубано-Черноморская области, Ставропольская и Терская губернии, Карачаево-Черкесская, Адыгейская, Чеченская, Кабардино-Балкарская автономные области, два города с особым статусом – Грозный и Владикавказ. Дагестан и Горская республика в состав Юго-Востока не вошли.

После упразднения в июле 1924 года Горской республики были образованы Ингушская и Северо-Осетинская автономные области. В том же году Юго-Восток был переименован в

Северо-Кавказский край, куда наряду с ранее входившими территориями были включены Ингушетия и Северная Осетия. На этом этапе преобразования не закончились. В 1931 году Дагестан вошел в состав Северо-Кавказского края. Учитывая многонациональный состав населения на отдельных территориях были созданы национальные сельские Советы, которых уже к 1925 году в крае насчитывалось более 70.

Успехи и недочеты экономического районирования, согласно плана ГОЭЛРО, легли в основу разработки в 1921 году Госпланом новой системы экономических районов. В основу новой системы легли системные принципы, которые означали следующее: экономическим районом считалась экономически законченная территория страны, которая благодаря сочетаниям природных особенностей, культурных накоплений прошлого времени и населения с его подготовкой к производственной деятельности представляло бы единое звено общей цепи народного хозяйства. В 1921–1922 годах государство было разделено на 21 экономический район. Были выделены следующие районы: Центрально-Промышленный, Центрально-Черноземный, Северо-Западный, Северо-Восточный, Вятско-Ветлужский, Средневожский, Нижневожский, Западный, Юго-Западный, Южный-Горнопромышленный, Кавказский, Уральский, Обский, Кузнецко-Алтайский, Енисейский, Ленско-Байкальский, Якутский, Дальневосточный, Западно-Казахский, Восточно-Казахский, Среднеазиатский.

В основе этого районирования была положена реальная экономическая жизнь территориальных образований, закономерности развития хозяйства районов. Планировалось осуществить перспективное развитие районов.

Существенным недостатком такого деления было несовпадение в некоторых случаях границ районов с границами национальных образований (в последующих работах Госплана по районированию этот недостаток был устранен), кроме того, ряд районов имел слабый уровень экономического развития [2]. Предпринятая попытка построения социализма экономическими методами (НЭП) развития сферы товарно-денежных отношений натолкнулась на трудности строгого ограничения межрайонного обмена продуктами производства.

Второй этап (1933–1956 гг.) – в этот период произошел отход от экономического принципа региональной политики. В 1928 году руко-

водство страны отказалось от так называемой новой экономической политики (НЭП). Это было связано с тем, что к началу 30-х годов была в основных чертах завершена работа по созданию административно-командной системы управления страной. Значительные изменения произошли на Северном Кавказе. Так, в 1934 году существовавший Северо-Кавказский край был разделен на Азово-Черноморский и Северо-Кавказский. В состав Азово-Черноморского вошли Донская и Кубано-Черноморская области, Адыгея, а в состав Северо-Кавказского с центром в Пятигорске – Дагестан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Чечня, Ингушетия, Карачай, Черкессия и территория Ставрополя. На Северном Кавказе к этому времени уже функционировало 103 национальных сельских Советов. 15 января 1934 года была образована Чечено-Ингушетия как автономная область в составе РСФСР с центром в г. Грозном. В 1936 году Северная Осетия, Кабардино-Балкария и Чечено-Ингушетия стали автономными республиками и вместе с Дагестаном вышли из состава Северо-Кавказского края. Оставшаяся часть края получила название Орджоникидзевского края. 13 сентября 1937 года Азово-Черноморский край был ликвидирован, в результате чего образовались Ростовская область и Краснодарский край. Административно-территориальное деление на Северном Кавказе проходило неоднозначно. Допускались ошибки и просчеты. Не всегда учитывались пожелания населения. Зачастую однонациональные территории дробились и присоединялись к территориям вновь образуемых автономий, что нарушало десятилетиями сложившиеся связи. Укрупнение автономий осуществлялось зачастую без учета различий в языке, традициях, обычаях, вероисповедании и т.п. Это не могло не наложить свой отпечаток на жизнь людей, что в конечном итоге порождало проблемы, решение которых или игнорировалось или откладывалось на неопределенный срок. Принципы организации этой системы игнорировали не только вопросы социальной политики, но и экономические методы функционирования хозяйственного организма регионов, так как экономическое районирование требовало относительной самостоятельности хозяйственной жизни конкретных территорий. Это совершенно не вписывалось в сталинскую модель построения социализма и не соответствовало методам управления складывавшейся административно командной системы. Решение многих вопросов осуществлялось волевыми методами, а зачастую верх брал и произ-

вол. Апогеем такой политики стал период массовых депортаций 1941–1944 годов, когда с территории Северного Кавказа были насильственно выселены немцы, греки, карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши. Всего более 600 тысяч человек. Это привело к ликвидации Карачаевской АО, территория которой была поделена между Грузией и Ставропольским краем. На территории Чечено-Ингушской АССР была образована Грозненская область, а часть земель отошли Дагестану и Северной Осетии. Лишь в 1957 году эти народы были реабилитированы, а их автономии восстановлены. Вместе с тем, при решении вопросов территориально-государственного устройства реабилитированных народов, был допущен произвол в восстановлении автономий в прежних границах. Часть земель осталась в соседних автономиях, часть территории была прирезана за счет земель других субъектов региона. Ошибки, допущенные в результате определения административных границ на Северном Кавказе наряду с другими факторами, повлияли на осложнение этнополитической обстановки и стали причиной нестабильности в регионе.

Однако было бы неправильно не замечать, что за двадцать пять лет развития страны, а на этот период приходится предвоенные пятилетки, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление народного хозяйства, в экономике страны не произошли позитивные сдвиги. В этот период СССР стал могучей индустриальной державой, осуществлялись крупные народно-хозяйственные проекты. Решение этих вопросов, конечно, было бы не возможно без учета отдельных объективных законов экономики, но главными в развитии регионов оставались внеэкономические подходы.

В 1938–1940 годах была разработана новая сетка экономических районов СССР, которая отражала успехи развития народного хозяйства каждой из союзных республик, а также экономических районов и страны в целом. По новой схеме, утвержденной правительством, территория СССР делилась на 13 крупных экономических районов: Центральный, Северо-Западный, Европейский Север, Поволжье, Северный Кавказ и Нижний Дон, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальне-Восточный, Южный (Украинская ССР и Молдавская ССР), Западный (Белорусская ССР, Литовская ССР, Латвийская ССР и Эстонская ССР), Закавказский (Грузинская ССР, Азербайджанская ССР, Армянская ССР), Средняя Азия

и Казахстан (Казахская ССР, Узбекская ССР, Киргизская ССР, Таджикская ССР и Туркменская ССР). Новое районирование позволило добиться ощутимых успехов в развитии экономики. Была углублена специализация отдельных районов, что позволило комплексно решать проблемы развития народного хозяйства. В стране возникали крупные народнохозяйственные объекты, что требовало привлечения к созданию потенциала усилий нескольких регионов и даже всей страны. Это диктовало и необходимость усиления экономических связей между регионами.

Современная культура Северного Кавказа исторически сформировалась в результате диалога кавказской горской, исламской и русской (российской) цивилизаций и культур, модернизационных процессов XX века. Поэтому она отличается сложной многослойностью, полисубъектностью, синкретизмом.

В советский период на Северном Кавказе сложился определенный баланс, способствующий взаимному "прорастанию" различных культур друг в друга, их толерантности и дружественности, что определялось универсальным характером и авторитетом русской культуры, а также монополией социалистической идеологии. Крах социализма и распад СССР вызвали кризис идентичности (в том числе культурно-цивилизационной) как у горских (кавказских) народов, так и у русских и русскоязычных жителей Северного Кавказа, России.

В условиях современного культурного плюрализма на Северном Кавказе можно выделить следующие основные проблемы цивилизационно-культурного взаимодействия.

Из отношений преобладающего культурного согласия (по крайней мере, без острой конфронтации) в последние годы они все более перерастают в состояние культурного конфликта.

Распад СССР и системный кризис, охвативший Российскую Федерацию, привели, среди прочего, к скачкообразной утрате русской культурой в массовом сознании на Северном Кавказе своего универсального характера и авторитета. В результате деятельности СМИ, особенно электронных, было утрачено доверие ко всему, что было связано с Российской Империей и СССР, в том числе к российской культурной доминанте.

Цивилизационно-культурный нигилизм федеральных властей в 90-е годы проявился в стремлении разрушить ценностную систему, знаки и символы советской эпохи (а вместе с

ней и дореволюционной России), изменить менталитет общества. Эти же идеи легли в основу школьной реформы. Учебники серии "Обновление гуманитарного образования в России" рисуют Россию и ее духовно-культурные основы "как пример неудавшейся истории" (по выражению М. Мамардашвили), обосновывая тем самым смену системы ценности на основе общечеловеческих ценностей, точнее западно-либеральных, соответствующих "рыночной культуре и рыночному сознанию". В результате сформировался стереотип отечественной истории как тупиковый путь от, якобы, ошибочного принятия восточного христианства и до наших дней, всегда носившего экспансионистский и катастрофический характер.

Стремясь быстрее подтолкнуть Россию к модернизации на основе западнизации (американизации или европеизации), такая политика привела к кризису русского национального самосознания и создала отталкивающий образ России и русского народа, а их культуры – как вторичной, якобы, своего рода лишь ретранслятора европейской, что в полиэтничном государстве не могло не носить деструктивного характера. В результате мы получили генерацию "россиянцев", лишенных чувства патриотизма, оторванных от своих корней, готовых к любому виду асоциальной деятельности.

Если ранее принадлежность к великой супердержаве и ее достижениям в разных сферах деятельности, культуре была предметом гордости всех народов, в том числе Северного Кавказа, то теперь возникает потребность дистанцироваться от "непрестижной", тупиковой социокультурной системы и ее влияния – как условие этнического самосохранения.

Все это вызвало кризис российской идентификации коренных народов России, в том числе Северного Кавказа. Если в 80-е – начале 90-х годов семантическое противопоставление России и Северного Кавказа ("политика России на Северном Кавказе", "роль России в разрешении конфликтов на Северном Кавказе") вызывало протест: "мы разве не Россия, не россияне?"; то теперь (после чеченских событий), чаще даже в позитивном смысле, у благожелательно настроенных к России представителей народов Северного Кавказа звучит противопоставление: "он учится в России", "плохо России – плохо Дагестану, будет все в России хорошо – и у нас все нормализуется" и т. п. [3].

Кризис российской идентичности актуализировал этническую, религиозную, северокавказскую и кавказскую самоидентификацию

горских народов, причем в цивилизационно-культурной оппозиции к собственно России и русским.

На Северном Кавказе, как и в других обществах, в условиях кризиса и процессов дезинтеграции проявляется архаический синдром, т.е. возрождение комплекса архаических явлений, представлений, стереотипов и норм поведения, размывание или сужение сферы рационального, усиливается воздействие иррационального и чувственно-эмоционального восприятия окружающей действительности, укрепляется мифологическое мышление.

Этот процесс проявляется на разных уровнях и в различных формах. Актуализация традиционной культуры происходит для нынешнего поколения с того времени и состояния, как она пережила свою катастрофу, т.е. с XVIII – первой половины XIX века (до окончания Кавказской войны). В связи с этим возросло внимание к формированию исторического сознания горских народов как фактора, определяющего этническое и панэтническое самосознание, а тем самым культурно-цивилизационную самоидентификацию. Прессу региона всех субъектов РФ на Северном Кавказе захлестнул поток псевдонаучных и наукообразных публикаций (монографий, статей, публицистики) по проблемам истории отдельных народов, которые в принципе проявляют между собой очевидное сходство в одном – в стремлении к чрезмерному приукрашиванию и преувеличению вопреки фактам, былой исторической роли своих народов, в способах внушения им чувства собственной национальной исключительности и превосходства, идеи этноцентризма.

Неприятие массовой культуры западного общества, его несовместимость с ценностной системой горского общества, развивающееся отчуждение от русской, российской культуры, кризисное состояние российской действительности привели, как уже отмечалось, к возрождению традиционной культуры горских народов, которая становится основой этнической самоидентификации, а также фактором коммуникации и социализации.

Традиционная культура горских народов опиралась в прошлом на социально санкционированные стереотипы поведения и мышления, сопротивляемость инновациям в пяти основных сферах. Она базировалась на: 1) воинском культурном комплексе и стиле жизни, 2) кавказском гостеприимстве, 3) культе старшинства, 4) хозяйственно-культурном комплексе и 5) семейно-брачных отношениях [4].

Выработанные в этих комплексах ценности, их иерархия воплотились в морали, этике, нравах и других элементах культуры северокавказских народов. Они были обусловлены акцентированными императивами должностования, закрепленными у всех автохтонных народов Северного Кавказа в морально-этических кодексах: адыгагъэ (адыгство) – у адыгов, апсуара – у абхазов, намис (честь) – у тюркских и части дагестанских этносов и др. Кодексы являются важнейшим фактором стиля и образа жизни горцев, регулятором индивидуального и группового поведения.

В условиях кризиса российского общества и этнической идентификации ценности традиционной культуры горских народов показали способность противостоять энтропийным процессам, стали средством адаптации горцев к современным переходным условиям. В то же время возрождается не весь комплекс традиционной культуры, а лишь те его сегменты и стороны, которые могут быть востребованы в современных условиях для приспособления к модернизационным процессам или, наоборот, обеспечивают защиту, сопротивление тем культурным инновациям, которые угрожают ментальной идентичности.

Так, традиции групповой сплоченности и солидарности, развитые отношения родства и землячества и другие позволяют "кавказцам" легче приспосабливаться к изменениям среды и достигать высоких результатов по сравнению с "русскоязычными" группами населения в различных сферах, в том числе в теневых. Это, в свою очередь, способствует устойчивости традиционной культуры, определяет ее саморазвитие и активность. В то же время в тех сферах деятельности, где традиционный опыт отсутствует (банковское дело, современный менеджмент, отчасти государственное управление, современная военная тактика и т. п.), влияние старейшин или других традиционных авторитетов и институтов незначительно.

Возрождение традиционной культуры становится культурной легитимацией этноцентризма, что оказывает влияние на культурный полилог внутри северокавказской культуры. Традиционные этнические ценности, подкрепляемые указанными выше тенденциями в современном состоянии исторического сознания, культурно-исторически подпитывают сложные по своему составу конфликты между осетинами и ингушами, адыгами и тюркскими народами, "кочевниками" (кумыки, ногайцы) и горцами Дагестана и др. В результате возникают тенденции к конституированию гомоген-

ных панэтнических культур, противостоящих друг другу: адыгской, вайнахской, включая проекты создания дагестанской нации с кавказской культурой, государственным турецким языком, открытой для воздействия западной цивилизации и культуры. Ситуация культурного взаимодействия горских народов колеблется между комплиментарностью, консенсусом и конфликтным характером.

Таким образом, в цивилизационно-культурном взаимодействии на Северном Кавказе идет борьба различных тенденций как консенсусного, так и конфликтного характера. С ослаблением доминантной роли русской культуры культурное пространство Северного Кавказа сегментировалось.

В условиях кризиса и модернизационных процессов в России возросло значение традиционных форм культуры народов Северного Кавказа, которые противоречиво взаимодействуют с другими культурными составляющими. Это взаимодействие амбивалентно и разновекторно, не сводимо к противостоянию или взаимодействию традиционной культуры и модернизма, русской культуры и культур народов Северного Кавказа.

Очевидна тенденция ослабления доминантной роли российской культуры на Северном Кавказе и борьбы за замещение ее западной массовой культурой и различными исламскими течениями. Северный Кавказ постепенно приобретает в цивилизационно-культурном отношении все более существенные восточные черты, восстанавливает восточную, исламизированную ментальность, "дрейфует" в сторону исламской цивилизации.

В то же время исторически выявленная комплиментарность традиционной культуры, национальных культур Северного Кавказа и

классической русской культуры, основополагающие ценности российской цивилизации (духовность, соборность, многокультурность и т. д.) обладают на основе диалога реальным потенциалом возрождения российского суперэтноса при сохранении этнокультурной идентичности всех народов, элементов кавказской горской цивилизации.

Данный процесс не может быть стихийным. Необходимо его государственное регулирование на основе соблюдения закона ментальной идентичности, который отражает существенные связи между менталитетом народа и содержанием политики государства. Это одно из важных условий выхода из системного кризиса. Целесообразно комплексно задействовать все каналы воспроизводства и саморазвития региональной культуры (система образования, политические и социальные институты, религиозные и общественные объединения, СМИ), чтобы восстановить естественную доминантную роль и престиж русской культуры, а на этой основе баланс полиэтничной традиционной северокавказской культуры и модернизационных культурных процессов.

Примечания:

1. См.: Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М., 1999. – С. 24.
2. Регионоведение : учеб. / Т.Г. Морозова, М.П. Победина, С.С. Шишов, Р.А. Исляев. – М., 1998. – С. 118.
3. Черноус В.В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. – 1993. – № 3 (19). – С. 154-167.
4. Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). – Майкоп, 1997.; Унежев К.Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. – Нальчик, 1997.

THE ROLE OF PUBLIC INITIATIVES IN THE DEVELOPMENT OF THE CULTURAL LIFE OF THE KUBAN AND THE BLACK SEA AT THE BEGINNING OF XX CENTURY

Eremeeva Anna Natanovna, DSc of Historical Sciences, Professor, Research Associate, Department of Cultural History Studies South Russian public of Southern Branch of the Russian Institute of Cultural Science, Chair of History and Museology, Krasnodar State University of Culture and Arts (Krasnodar, RF)

E-mail: erana@mail.ru

Sadym Karine Borisovna, PhD in Historical Sciences, Assistant, Chair of Philosophy, Psychology and Pedagogy, Kuban State Medical University (Krasnodar, RF)

E-mail: karinakor@mail.ru

The article considers the activity of public organizations (including national ones) of Kuban and Chernomorye in the beginning of XX century. Authors characterize their initiatives in the field of culture.

Keywords: Kuban region; Chernomorskaya province; public organizations; education; charity; art creativity.